

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АРМЯНСКИЙ КОНТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

Л.Р. ФАРАМАЗЯН
ЕГУ

В статье рассматривается карабахская тема в творчестве Бориса Чичибабина. Если в двух его ранних стихотворениях восхваляется этот край с его городами Степанакертом и Шуши, то в двух стихах позднего периода творчества отражается боль автора за судьбу Карабаха.

Ключевые слова: *Армения, Арарат, Карабах, Степанакерт, Шуши, любовь, боль.*

Выдающийся русский поэт XX века Борис Алексеевич Чичибабин (1923–1994) известен армянским читателям прежде всего своими четырьмя providческими стихотворениями – вдохновенными Псалмами, песнопениями, посвященными Армении. В них поэт восторженно воспел «беловенечный» Арарат – символ веры и спасения армян, отметив при этом: «Но сердце-то знает о том, как горька небесам / земная разлука Армении и Арарата». Лирический герой стихотворений постиг истинную ипостась Армении, причастную вечности («Нигде на свете так / Не чувствуется Вечность»), вслед за Мандельштамом увидел в Армении библейскую страну, особо отмеченную Богом («А сбоку Армения – Божья любовь, / В горах сораспаятая с Богом...»), оценил созидательный дух армянского народа (Соседям лихим не в укор, а в урок / воздвигла Матенадаран»), выразил свое восхищение духовной стойкостью, мудростью и всепрощением армян, «в ком сердце рассудка умней» и «чувством вины уничтожено чувство обиды».

Чичибабин впервые побывал в Армении в 1981 году, но за 40 лет до этой поездки, в «сороковые, роковые» он познакомился с другим уголком армянской земли – с Карабахом. Борис Чичибабин в годы Великой Отечественной войны служил в полку, дислоцированном в Карабахе. Молодой тогда поэт посвятил полюбившемуся краю два стихотворения, которые позже вошли в его «Кавказский цикл» (1942–1951). Нужно отметить, что эти стихотворения, хоть и были написаны в военные годы, однако их тематика не связана со злобой дня.

В стихотворении «Вечер в белых звездах был по праву...» дана живописная зарисовка перехода степанакертского вечера в ночь:

Подошел к окну – и обомлел.
Надвигалась ночь. И лунно-лунно
В этот вечер было на земле.

Пронизывающее душу пейзажное описание и ощущение умиротворения и спокойствия («Вечер стих, и онемели травы...») настраивают лирического героя стихотворения на медитативный лад, заставляя его философски воспринимать и осмысливать мир, сиюминутное в категориях вечности:

И таким он был тогда хорошим,
Что мгновеньем стал я дорожить,
Что казалось, как я много прожил, –
Так хотелось мучиться и жить...

Лунный пейзаж вдруг повергает лирического героя в состояние, когда стирается грань между явью и нереальностью. Неслучайно у поэта «ночь текла как музыка и бред», «вперемежку отсветы и тени / воплотясь, бродили по земле». Ощущение зыбкости бытия, заброшенности, одиночества и желание обрести почву под ногами подсознательно устремляют внутренний взор героя в прошлое, в детство, где он был защищен.

Стихотворение «Вечер в белых звездах был по праву...», состоящее из 11 четверостиший, условно можно поделить на две части. Первые шесть катренов представляют собой пейзажную зарисовку, в седьмом четверостишии появляется влюбленная пара, которая привлекает внимание лирического героя и отвлекает его от размышлений. Картина целующихся влюбленных выводит героя из сомнамбулического состояния и возвращает к реальности – с просохшей грязью на плитах улиц, к завернутой сигарке и стертому коробку спичек. Мысли о любви и счастье во время войны, «пир во время чумы», эта извечная антитеза войны и любви, параллельность бытия жизни и смерти, вновь приводят поэта к философским обобщениям о бренности бытия, быстротечности человеческой жизни и тяжелом бремени времени:

Только жаль, что время слишком грузно,
Что ничем не в силах я помочь.
Что когда-нибудь им будет грустно
Вспоминать сегодняшнюю ночь.

Следует отметить, что в этом раннем стихотворении уже намечается одна из особенностей поэтики Бориса Чичибабина – философское осмысление всего происходящего, а также сопряжение бытовых реалий с вечными, бытийными, гамлетовскими вопросами. В прекрасную поэтическую картину природы вкрапливаются бытовые подробности, подчас весьма заземленные и даже грубые («докурил, и потушил, и сплюнул»).

Стихотворение Чичибабина «И вот дарован нам привал...», навеянное, возможно, «Фазтонщиком» Осипа Мандельштама, посвящено Шуши. Поэт описывает трудный подъем на гору, где расположен Шуши – «великолепный город». Впрочем, в стихотворении описан не сам город, а восхождение к нему, думается, из Степанакерта. Эпитет «великолепный» на-

страивает читателя на встречу с чудесным городом, но перед его взором предстает несколько странная картина:

Как солнцем выжженный скелет,
В колеблющемся зное,
Она белеет на скале
Могильной белизною.

Что это? Образ выжженного скелета, «могильная белизна» вызывают аллюзии, в первую очередь, на «Фаэтонщик» (1931) Осипа Мандельштама, на все произведение в целом и, в частности, на следующие строки: «Сорок тысяч мертвых окон. Там видны со всех сторон...» [1: 87].

К сожалению, нам не удалось выяснить, знал ли Чичибабин это стихотворение Мандельштама до войны. Другая аллюзия – на отрывок из шестой главы очерка Мариэтты Шагинян «Нагорный Карабах» (1926), озаглавленной «Призрак Шуши». Писательница, приехавшая в Шуши спустя пару лет после армянских погромов, была ошеломлена встречей с этим некогда прекрасным городом: «Подъем, в полной тишине и одиночестве, длился около часу, когда внезапно, вступив в прогалину, я увидела остов Шуши. Два холма стояли передо мною, уставленные скелетами домов.» [2: 38].

Далее Чичибабин мысленно ведет диалог с Лермонтовым, некогда посетившим Шуши. И возникает ощущение преемственности поколений русских поэтов, влюбленных в Кавказ:

Здесь в прошлом Лермонтов бывал,
И мы теперь бываем.

В этом стихотворении Чичибабин передает мысль о сопричастности к нетленному и вечному, о связи настоящего с прошлым:

Стоит высокая гора,
Над ней века шумели...

Лирический герой стихотворения вопрошает камни, горы о пребывании тут Лермонтова, желает узнать, какие чувства и мысли обуревали душу одного из самых таинственных русских поэтов XIX века. Поэт прибегает к помощи риторического обращения:

Скажи, скажи мне, камень гор,
Единственному в свете,
Не здесь ли Лермонтова взор
По-доброму стал светел...

Интересно, что Борису Чичибабину было известно о пребывании Михаила Юрьевича Лермонтова в Шуши. Думается, ему рассказали об этом местные жители. Лермонтов в 1837 году был сослан в свою первую ссылку на Кавказ за «непозволительные стихи», написанные на смерть горячо любимого им Пушкина. Поэт был направлен в Нижегородский драгунский полк и на пути в полк, действительно, побывал в Шуши, о чем сам написал в конце 1837 года в письме своему другу Святославу Раевскому. Подлинник этого письма, как и многие другие рукописи Лермонтова, хранился у троюродного брата поэта, армянина по происхождению, Акима Петровича

Шан-Гирея. Интересно, что Шан-Гирей в 1870 году стал уездным начальником Шуши, а по его проекту в 1871 году начала строиться дорога-серпантин от Шуши до современного Степанакерта, столицы НКР. Но в стихотворении присутствует и другой мотив – обращение к трагическому прошлому Шуши, кровавой резне армян города, учиненной в 20-ые годы XX века варварами-турками и азербайджанцами:

А на заре иных времен
Кровавым страшным летом
Здесь турки резали армян
По вражеским наветам.

Теперь уже читателю понятно, почему в описании города выше присутствует «аура» смерти.

Когда же началось Карабахское движение, а затем и Карабахская война, Чичибабин, сказавший о миссии поэта: «Всяк день казим Иисус. / И брат ему – поэт...», сильно переживал и откликнулся на трагедийные коллизии своего времени двумя замечательными стихотворениями: «О, злые скрижали...» и «Дума о Карабахе». В июне 1991 года в газете «Голос Армении» была опубликована «Дума о Карабахе», а стихотворение «О, злые скрижали...» позже вошло в книгу Чичибабина «Кончусь, останусь жив ли...» (2002).

Когда разразилась Карабахская война, Чичибабин воспринял ее как очередную трагическую страницу армянской истории, истории со «злыми скрижалями»:

Всегда обижали
и вновь обижают армян...
(«О, злые скрижали...»)

Для творчества Бориса Чичибабина характерно многообразие жанров лирики. Ода, послание, стансы, элегия, псалом, эпиграмма, сонет, плач, баллада – вот неполный их перечень. Обилие жанров в лирике Чичибабина говорит, как о его высоком профессиональном мастерстве, так и о причастности к предшествующей русской и мировой литературе. И если свое восхищение перед библейской страной он выразил в псалмах, восходящих как жанр к религиозным песнопениям, созданным царем Давидом, то свою боль и переживания о судьбе Карабаха отразил в «Думе о Карабахе». Дума является лирико-эпическим жанром украинского словесно-музыкального народного творчества XVI-XVII веков. В русской литературе к этому жанру любили обращаться писатели-декабристы, особенно К.Ф. Рылеев. Назвав свое стихотворение думой, Чичибабин отсылает к контексту жанра политической поэзии и желает подчеркнуть важность исторического момента. Вот почему стих начинается с упрека в адрес власть предержащих:

Апшеронская нефть оплатила безвинные смерти,
В президентских ушах не гремит сумгаитский погром...

Та же мысль звучит и в стихотворении «О, злые скрижали...» – мысль о бездарности и безнравственности людей из властных структур. Более того, поэт бичует их за безразличие и бездействие:

Безглавые власти
на смерть обрекли Карабах.

В «Думе о Карабахе» поэт рассказывает о своей службе «в приснопамятном сорок втором» в Степанакерте, где он «армянские слышал слова», «дремал под армянских шелковиц листвою», «на армянские выси» взбегал:

Я там жил наяву, – как же мне согласиться с Москвою,
Что земля эта – Азербайджан.

Чичибабин со свойственным ему чувством вины за грехи правителей, политиков, народа и родины («на мне одном сто тысяч вин») заявляет:

Пусть Армении стон отдается в сердцах, как укор нам,
Как Христу на кресте, больно кронам ее и корням:
В закавказской дали, в том краю, в Карабахе Нагорном
Каждый день убивают армян.

Чувство любви, являющееся для Чичибабина основополагающим в жизни и творчестве, в данном случае – любовь к армянам, заставляет искать выход из патовой ситуации, когда власти ничего не предпринимают. В обоих стихотворениях поэт апеллирует то к России («Спаси их, Россия, / и благом искупишь грехи.»), то к «каждой русской душе», потому что «все мы предали наших родных, / не по крови родных, а по духу, по вере, / по сути, по глубинному свету евангельских добрых надежд». И проблему Карабаха Чичибабин призывает решить с позиции справедливости и гуманности, руководствуясь нравственными принципами ответственности за все происходящее вокруг. Но не были услышаны слова мудрого Бориса Чичибабина...

В том же 1991 году поэт создает очерк «В сердце моем болит Армения», который можно воспринимать как духовное завещание Бориса Алексеевича Чичибабина. Завершается эссе словами сопереживания: «Душа моя болит за Армению и за ее народ, в сердце моем болит Армения, земля-трагедия, земля-мученица, пережившая недавнее землетрясение и кровавые бакинские погромы, отлученная дьявольской волей не только от священного Арарата, но и от родного Карабаха. Всей моей болью, печалью, любовью, душой – я с вами, мои армянские сестры и братья, с тобой, Армения. Во всех трудах, испытаниях, странствиях, бедах мы вместе, – да поможет нам Бог, и да будет воля Его, а не наша!» [3: 458].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мандельштам О. Э.* Стихотворения, проза, записные книжки. Ер.: "Хорурдаин грох", 1989. – 384 с.
2. *Шагинян М.С.* Нагорный Карабах. (Путевые очерки). М.-Л.: Государственное издательство, 1927.
3. *Чичибабин Б.А.* В стихах и прозе. 3-е изд., испр. Харьков: "Фолио", 2002. – 463 с.

ՂԱՐԱԲԱՅԱՆ ԹԵՄԱՆ ԲՈՂԻՍ ԶԻՉԻԲԱԲԻՆԻ ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԵՋ Լ.Ռ. ՖԱՐԱՄԱԶՅԱՆ

ԵՊՀ

Հոդվածում դիտարկվում է ղարաբաղյան թեման Բորիս Զիչիբաբինի ստեղծագործությունների մեջ: Եթե նրա վաղ շրջանի երկու բանաստեղծություններում գովաբանվում է այդ երկրամասը իր Ստեփանակերտ և Շուշի քաղաքներով, ապա ուշ ժամանակաշրջանում գրված երկու բանաստեղծություններում արտացոլվում է հեղինակի ցավը Ղարաբաղի ճակատագրի նկատմամբ:

Բանալի բառեր՝ *Հայաստան, Արարատ, Ղարաբաղ, Ստեփանակերտ, Շուշի, սեր, ցավ:*

THE TOPIC OF KARABAKH IN BORIS CHICHIBABIN' S WORKS L.R. FARAMAZYAN

YSU

The Karabakh's topic in Boris Chichibabin's works is considered in the current article. If this part of the Earth along with it's two towns Stepanakert and Shushi is being praised in two of his earlier poems, then there is reflection of pain for the people of Karabakh depicted in his late ones.

Key words: *Armenia, Ararat, Karabakh, Stepanakert, Shushi, love, pain.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 28 февраля 2017 г., подписана к печати в номер 1 (110) / 2018 26.12.2017.